

ГЛАВА 1

Капитан военной разведки Глеб Шубин замер от неожиданности на пороге домика. Он только прибыл в штаб 6-й армии вместе с остальным пополнением из тыла и был удивлен раздавшимся со всех сторон радостным восклицаниям. Молодой человек прижал ладонь к козырьку фуражки и отчеканил:

— Капитан Шубин, прибыл во 2-ю часть 12-й дивизии 6-й армии...

Его тут же обняла за плечи чья-то рука, в ухо гаркнул веселый голос:

— Ошибаешься, капитан, прибыл ты в 6-ю гвардейскую Краснознаменную армию! Вот! — перед глазами мелькнул желтоватый лист депеши с серыми буквами приказа.

Он успел цепким взглядом выхватить главные слова «Сформировать... Главнокоманду-

ющий Ставки...» и, набрав побольше воздуха в легкие, сказал:

— Поздравляю, товарищи! Рад буду служить вместе с вами!

В ответ одобрительно загудели веселые голоса:

— Вот это по-нашему, по-офицерски!

— Бравый вояка прибыл! Ну-ка, давай, за гвардейскую прими!

Перед лицом в сизом от пыхтящих самокруток и папирос дыму мелькнула облупленная металлическая кружка с прозрачной жидкостью — фронтовые сто грамм. Глеб задержал дыхание, пока жидкий огонь прокатывался по горлу, и выдохнул, когда тепло разлилось в груди:

— За Родину! За победу!

В ответ ему вторили крики «Ура! За Победу!». Вокруг смеялись, говорили, поздравляли друг друга офицеры, служащие штаба, командиры подразделений — небольшая комната была полна народа в гимнастерках, с кружками и походными фляжками в руках. Люди шумели, обнимались, угошали друг друга, звонко чокались металлическими боками посуды, отмечая почетное звание. В Красной армии ведь «гвардейская» означает, что во-

енная часть является образцово-показательной и особое звание получила за мужество, героизм и воинское мастерство, проявленное в сражениях с врагом.

В открытые окна лился потоком аромат сирени, которая белела пышной пенной волной вокруг уцелевшего здания сельского клуба, добавляя маленькому празднику мирные нотки. Деревенские мальчишки облепили крошечное крыльцо и пристенки клуба, пытаясь по звукам определить, что за торжество проходит у военных, которые расположились в их поселке. Улыбки, радость переполняли грудь от ощущения близкой мирной жизни. Казалось, вот-вот будет победа, осталось совсем немного, еще чуть-чуть, и враг освободит многострадальную советскую землю. Под Сталинградом Красная армия разгромила гитлеровские войска, заставила остановить свое кровавое наступление, развернуться и бежать прочь с огромными потерями. И это переломило ход сражений, дало ощущение уверенности, что они смогут защитить свою Родину. Теперь Советский Союз километр за километром возвращал себе захваченную врагом землю, отвоевывал, вырывал из лап фашистов каждый город, деревню, село. Приятная мысль

о скорой победе кружила голову сильнее, чем глоток фронтового спирта или пряный запах цветущей сирени.

Глеб Шубин втянул во всю мощь легких густой аромат сирени, протянул руку и сорвал за окном ветку в мелких нежных лепестках. Пальцы ловко воткнули гибкий стебелек в тугой узел черных кудрей стоящей рядом радистки. Та в ответ на хулиганскую выходку только тепло улыбнулась и приладила неожиданный подарок в глубину черных волос. Они снова обменялись теплыми улыбками без единого слова, отчего у мужчины защемило в груди — как же он счастлив сейчас, живой молодой человек, а не опытный капитан фронтовой разведки, который повидал много за три года войны.

На спину в пыльной после дороги гимнастерке легла вдруг тяжелая рука, низкий бас прогудел прямо в ухо:

— Капитан Шубин, генерал Ростов. Твой командир, поздравляю с прибытием.

Глеб, мгновенно вернувшись в реальность прифронтовой территории, сунул руку в нагрудный карман за документами:

— Товарищ генерал, вот документы. Извините, только зашел, а тут праздник. Потерял бдительность.

Генерал-майор Николай Ростов, высокий мужчина с острыми стрелками усов над узкой верхней губой, лишь кивнул в ответ. Болтать он не привык, военная специальность приучила его чаще молчать и приглядываться к собеседнику, высматривая в чужих жестах, манере разговора характер и помыслы нового подчиненного. Коротким движением головы Ростов позвал капитана за собой, подальше от веселой компании в штабе части. Они прошагали за дом, и деревенские ребяташки, увидев их, словно воробьи, рассыпались в разные стороны. Военные свернули по утопанной дорожке между уцелевших изб, потом спустились вниз по склону и оказались у большого деревянного строения, которое раньше служило огромным хранилищем колхозного урожая. Сейчас здесь висело грязно-белое полотнище с красным крестом — санитарный пункт военной части, расположившийся внутри и вокруг хранилища. Рядом с дверью стояли ведра с водой, лежал ворох окровавленных перевязок, приготовленных к стирке. Здесь не было слышно смеха, радостных поздравлений. Было тихо и мрачно.

Перед тем как толкнуть дощатую дверь, Ростов наконец внимательно посмотрел

в уставшее запыленное после дороги лицо разведчика:

— Капитан, времени на объяснения нет. Сейчас сам поймешь, почему так говорю. Внимательно слушай и запоминай.

Он шагнул в глубину полумрака, осторожно придерживая дверь, за ним проследовал Глеб, всматриваясь в белые пятна вокруг. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что в хранилище лежат люди — раненные полевого госпиталя. Они лежали на самодельных лежанках из досок, кучах старой соломы и были укрыты одеялами или простынями. На некоторых полотнищах проступили кровавые разводы от страшных ран, но никто не стонал и не кричал. Изувеченные бойцы терпеливо лежали, сжимая зубы, чтобы вынести терзающую раны боль. Санитарка в застиранном переднике метнулась к генералу Ростову:

— Быстрее, быстрее же, плоха она совсем.

Командир молча кивнул и в три быстрых шага оказался в углу, где под гимнастеркой в багровых пятнах лежала девушка. Черные волосы скатались в колтуны с кусками сухой травы и грязи, бледное личико запрокинулось, даже под толстым сукном было видно, как ее маленькое тело ходит ходуном от тяжелой ли-

хорадки. При звуке шагов больная открыла блестящие черные глаза. Глеб вдруг с ужасом понял, что перед ним совсем ребенок, девочка лет тринадцати. Генерал с нежностью провел по волосам девочки и поправил сползающую накидку:

— Варя, я — Николай Ростов, командир разведподразделения. Со мной разведчик, капитан Шубин. Врач передал мне, что ты хочешь что-то рассказать.

Сухие губы прошептали еле слышно, так что мужчинам пришлось наклониться почти к самому рту Вари:

— Сбежала я, сбежала из Ивни, где у фашистов штаб. Они меня посудомойкой взяли при столовой, год на них работала, сестренка и мать кормить надо было. Я по-немецки понимаю, мама научила по учебникам. Они промеж собой разговаривали про «Цитадель», готовится операция. Так ее называют фрицы — «Цитадель». Рубежи строят, дайте карандаш, я нарисую план.

Ростов щелкнул планшетом, зашуршал бумагой. Девочка на секунду прикрыла глаза, чтобы передохнуть. Ее грязные пальчики в ссадинах и коростах вдруг нащупали крепкую ладонь Шубина, она с трудом прохрипела:

— Маму я бросила и сестренку, неделю шла по лесам. К нашим выходила. Мама меня отправила, она сказала, что важно это. Про цитадель. Нельзя немцам дать обратно развернуться.

По горячей коже, тяжелому свисту в груди после каждого слова Глеб понял: у девочки воспаление легких, ее хрупкое тело сейчас мучает страшная ломота и лихорадка, выкручивая кости, затемняя сознание. И все же она через силу говорит, тратя последние капли жизни на важную информацию:

— Я долго шла через лес, днем пряталась, а ночью шла. Самолеты бомбили, и мне железка вот сюда прямо в бок попала, — на глазах у нее выступили слезы. — Больно так, как горячим углем прижигает. Быстрее карандаш давайте, помру я, наверное. Нарисую, что видела.

В пальцы девочки лег химический огрызок, Шубин подхватил планшет и пристроил на нем лист:

— Давай, Варя, ты говори, я буду помогать рисовать.

С трудом появилась первая линия, потом вторая. Девочка выдохнула:

— Это в документах было у немцев, я посуду, когда собирала, успела рассмотреть. Возле Ивни строят укрепления, аэродром между Белой и Ракитным. — На белых губах выступила кровавая пена, но девочка продолжала говорить, вцепившись изо всех сил в карандаш. — Тут вот ящики какие-то сложили, мы ночью с мамой сходили прочитали надписи — это тротил. Немцы хотят идти на Курск. Это точно, я всю неделю слушала их разговоры, они при мне не боялись говорить. Думали, дурочка деревенская.

По лбу покатались крупные капли пота, каждое слово давалось Варе все с большим трудом, она на глазах теряла силы. Ростов бросился в соседнюю комнатку, где гремели инструменты и звучали короткие отрывистые приказы врача. Он схватил за плечо хирурга в окровавленном переднике:

— Доктор, девочке, которую в лесу нашли караульные, помогите ей. Ей совсем худо, надо спасти. Что надо — сахар, еды, хлеба? Как ей помочь? Нельзя ей умирать, она же линию фронта перешла, она — важный источник информации о германской операции. Помогите ей!

Врач покачал головой, глаза под очками стали печальными. Он тихо объяснил:

— Поздно, воспаление слишком сильное. Никакие лекарства не помогают, операция тоже не спасет. У нее серьезное ранение легкого, рана инфицировалась, пока она шла через лес. К сожалению, никаких шансов выжить. Мы больше ничем ей помочь не можем.

Когда Ростов шагнул обратно к кровати Вари, Глеб сжимал маленькую ладошку и кивал. По лицу его текли непрощенные горькие слезы от того, что Варвара уже почти в забытьи повторяла одну и ту же просьбу:

— Маме помогите, сестренкам. Помогите. Освободите от немцев дом мой, прогоните фашистов.

Багровые пузырьки закипали в уголках рта, от каждого произнесенного слова девочка захлебывалась собственной кровью и все же продолжала умолять, не отрывая черных огромных глаз от лица разведчика:

— Помогите им, освободите нас от фашистов. Прогоните немцев, обещаете?

— Я обещаю, милая, обещаю. Ты такая молодец, ты смелая. Ты нам очень помогла. Я обещаю, маме твоей расскажу про твой по-

двиг, всем расскажу. Я... все сделаю, освободим, мы поганой метлой их выметем.

Варя мелко задрожала, выгнулась от жгучей невыносимой боли, рвущей ее изнутри, и вдруг обмякла. Тонкие руки вытянулись вдоль тела, лицо разгладилось от гримасы боли, широко распахнутые глаза застыли, глядя в одну точку. Смерть забрала молодую жизнь.

Шубин медленно, словно во сне, собрал планшет, лист со схемой и карандаш. Сбоку промелькнула жилистая женская рука, она сноровисто прикрыла веки умершей девочки:

— Ну все, отмучилась бедняжка. Варюша так вас ждала, повторяла без конца, чтобы разведчиков позвали. Ноги в кровь стерла, по лесам шла до нас. — Санитарка, прощаясь с девочкой, погладила черные пряди и, приподняв полу шинели, прикрыла навсегда окаменевшее личико.

Генерал Ростов, тяжело ступая, вышел из госпиталя, прошел несколько метров и остановился. Рядом в молчании замер капитан. Они оба смотрели на приоткрытое окно стоящего на взгорье клуба, где все так же мелькали радостные лица, звенели голоса. Вот промелькнули черные волны волос с белым

пятном сирени, только перед глазами Глеба стояли черные прядки Вари, которые грязными сосульками, мокрые от убившей ее лихорадки разметались по гнилой соломе в темном сарае. Генерал вдруг резко развернулся к Шубину и положил ему руку на плечо. Пальцы железной хваткой впились в мускулы под гимнастеркой:

— Я много о тебе слышал, капитан. От Уколова, Попова, твоих бывших командиров. Хвалят тебя все. Умеешь решать сложные задачи. Здесь, капитан, не просто задачка. Ты сам все видел — человеческие жизни на счету. Девочка погибла и еще сотни тысяч погибнут, если гитлеровская армия снова наберет силу и обратно вернется. Нельзя этого допустить. Нам уже поступали сведения, что немцы разрабатывают на Южном направлении операцию. Поэтому я затребовал тебя в армейскую разведку нашей части. Ты сам слышал, Варя подтвердила, что немцы от планов ликвидации Курского выступа перешли к действиям. У тебя задача повышенной сложности — разведка на территории врага. Собирай группу, переходите линию фронта и возвращайтесь с разведанными. Количество частей, техники, места расположения. Учитывай, что надо отра-

зять не только наступление, а еще подготовить наше движение вперед. Гитлер строит сейчас промежуточные рубежи по линии отступления, используя тактику «выжженная земля». Мирное население — в могилу или в лагерь, все сооружения, дороги, станции, заводы — взрывает, топит, жжет. Поэтому важно узнать каждую деталь в немецком тылу. С помощью добытой информации командование фронта сможет организовать ответное наступление, мы ударим с воздуха, из зенитного орудия по названным разведкой координатам. Через три часа жду тебя с докладом и намеченным маршрутом по оккупированной местности. Ступай сейчас в избу, где раньше жил мельник, прямо по проулку и потом за клуб. Там тебя ждет парнишка, рядовой Воробьев. Побеседуй с ним, приглядишься, я планирую тебя отправить в разведку с этим парнем. Но решать только тебе, подойдет ли напарник или нет. Готов ты к такому, капитан Шубин?

Глеб стоял на протяжении его речи, не отрывая глаз от окна с радостными людьми, потом поднял тяжелый взгляд на генерала. Его больше не переполняла радость и ожидание скорой победы. Злость и ненависть, желание отомстить за замученную Варю, горячая клят-

ва спасти ее родных жгли его изнутри. Шубин кивнул:

— Товарищ генерал, девочка сюда раненая и босая дошла через лес прямо через вражеские части. Значит, это возможно. Поэтому я тоже смогу выполнить задачу, обещаю вам, любыми силами и путями я добуду разведданные, и мы освободим нашу землю от фашистов, полностью разгромим их!

ГЛАВА 2

По дороге к дому мельника Шубина преследовали десятки взглядов, он, как настоящий разведчик, кожей чувствовал пристальное внимание со всех сторон: то скрипнет доска покосившегося от взрывов забора, то мелькнет вихрастая макушка между зеленью кустов, то шлепнет босая нога по отполированному камню за спиной. Свернув за клуб, он прошелся по проулку и растерянно остановился: вместо домов по сторонам тропинки торчали обугленные развалины — все, что осталось от крепких деревенских изб, которые в мирное время колхозники складывали из тесаных бревен и густой глины. Он обвел пожараще взглядом: и где тут ему искать дом мельника? Глеб достал из кармана кусок рафинада, бережно обернутый в затертую ткань:

— Эй, кто первый отведет меня к мельнику, тому достанется сахар!

Его преследователи мгновенно откликнулись на заманчивое предложение, десятки босых ног кинулись наперегонки к капитану, косявые ладошки-ковшики вытянулись к куску сахара:

— Я, я отведу, Минька в бане живет теперь, как деда осколком убило!

— Я наперед был, я покажу, дяденька разведчик!

Шубин в ответ удивленно протянул:

— А вы откуда знаете, что разведчик?

Шустрые пальчики уже схватили сахар и бережно начали распределять маленькими крошками в жадно раскрытые рты. Самая высокая девочка в безразмерном платье, подол которого мотался по дорожной пыли, видимо, была главной у деревенской ребятни. Деловито занимаясь справедливой дележкой угощения, она пояснила:

— Так мы не дураки же, хоть война, а в школу ходили к учительнице нашей, пока ее немцы не сожгли в сарае вместе с другими. У вас петлицы с серебряными звездочками, вы капитан военной разведки.

Шубин растерянно заморгал в ответ на довольный взгляд девочки, его детская осведомленность не обрадовала, даже огорчила. На вид ей всего лет десять, еще бы в куклы играть, а не разбираться в военных знаках различия. Он погладил голову с тугими косицами:

— Ты молодец, и правда много чего знаешь. Только я тебя прошу, не рассказывай об этом никому, ведь разведка — это всегда тайна, лишние разговоры ни к чему.

Его собеседница охотно кивнула:

— Я знаю, я и партизанам записки носила, от немцев всех ребят три дня на болоте прятала, а то бы нас тоже в сарае сожгли. Пойдемте, я вас к Миньке отведу.

— Мне к мельнику надо, можешь показать, где его дом? — попросил Шубин.

Девочка терпеливо объяснила непонятливому капитану:

— Ну я так и говорю, идемте до Миньки, он внук мельника Архипа. Мельника немцы повесили за то, что он отказался им муку молоть и жернова в подполе прятал. Дом сгорел, а банька осталась, вот Минька там и живет.

От ужаса волосы на голове разведчика зашевелились, по всему телу прошла дрожь. Красная армия отвоевывала территории Со-

ветского Союза, теперь они вытесняли немцев с оккупированных родных городов и деревень. И каждый раз Глеба охватывал ужас при столкновении со следами страшной войны: их встречали тысячи сирот, истощенные, живущие на подножном корме, в разрушенных домах, одетые в обноски дети, на чьих глазах были зверски замучены близкие люди. Опытный разведчик, выдавший немало за годы войны, никак не мог привыкнуть к такому кошмару, от которого ненависть к фашистам пульсировала яростным комком в груди. Не только военные гибли в этом сражении за Родину, Гитлер разрушил и уничтожил все живое на советской земле, от городов до жителей. Вот и сейчас даже дыхание перехватило, будто кто-то ударил ножом прямо в горло, хотя деревенские ребята этого чувства не заметили. Они гурьбой окружили разведчика и повели в сторону деревянного остова, на ходу выкрикивая все, что скопилось внутри за долгие дни войны:

— Самонин Кондрат, папка мой, не видали его? Может, слышали про него, похоронки-то не было! Живой ведь, наверное, дядь?

— А вы фашистов убивали?!

— Когда война кончится?

Девочка шикнула на многоголосую толпу, и все затихли. У разбитого забора их уже ждал мальчик, крепкий, с белесыми бровями и россыпью конопушек. Сопровождающая солидно представила Шубина:

— Вот, Миня, гостя к тебе привели. Из штаба.

Тот с суровым видом кивнул в ответ:

— Здравствуйте. Проходите, товарищ ваш у меня.

Капитан шагнул за перекошенные во все стороны жерди околицы и последовал за мальчиком. Перед ним расплзлось черным огромным пятном пепелище: судя по огромному количеству черных досок, здесь раньше было много построек, в том числе мельница, чьи широкие лопасти теперь торчали над землей как крылья мертвой обугленной птицы. И тем не менее жизнь на сожженной земле по-прежнему продолжалась. Хозяйственный мальчишка стаскивал все более-менее пригодные для хозяйственных нужд дровяшки, укладывая их в аккуратную поленницу возле крошечного сруба — бани в одно окно. На пороге строения Шубина уже ждал худой и ушастый парнишка с новехонькими погонами рядового пехоты. Он вздернул руку к пилотке:

— Товарищ капитан, рядовой второй пешотной роты Николай Воробьев прибыл по вашему приказанию. То есть мне сказали вас ждать, что вы придёте, ну вот... я ожидаю. — Парень смутился, запутавшись в словах при виде военного разведчика, особой категории служащих в армии.

Рядом с высоким плечистым Шубиным Коля Воробьев почувствовал себя совсем ещё неопытным бойцом, хотя и успел уже поучаствовать со своей ротой в нескольких наступлениях за те полгода, что служил в Красной армии.

— Вольно. — Разведчик крепко пожал парню руку и заговорил тише.

Он уже догадался, почему Ростов предложил этого парнишку в качестве напарника для опасного задания. Капитан покосился на их юного хозяина — Минька с грохотом возился по другую сторону пепелища, тюкая топориком по толстым обугленным доскам. Потом снова Шубин всмотрелся в лицо будущего разведчика — совсем ещё гладкое, с едва заметным пушком, внимательный взгляд голубых глаз, пшеничные вихры торчат во все стороны из-под пилотки. Только руки крепкие, с широкими ладонями и тугими венами — руки труженика, деревенского жителя, а значит, он

местный, вырос в этих краях и должен их знать отлично, как и всякий деревенский мальчишка. Поэтому Ростов и выбрал Воробьева в качестве провожатого для разведчика, к тому же мальчишка отличается смекалкой, ведь быстро и звание разобрал, и понимает, что не просто так они встретились у разрушенной мельницы.

Шубин присел на перевернутое ведро, ноги в сапогах гудели от долгой ходьбы по почти летней жаре. Воробьев застыл рядом, но старший по званию вдруг кивнул рядовому дружелюбно на припорок бани:

— Садись, Коля, успеешь настояться. Разговор долгий будет. Сразу скажу, я — капитан разведки, тебя командир моей части посоветовал для выполнения важного задания. Но, сам понимаешь, чтобы идти в разведку, нужно человека знать. Потому присаживайся и рассказывай о себе, как ты на фронт попал.

Воробьев осторожно опустился рядом, стянул с головы пилотку, вцепился в нее пальцами, чтобы унять дрожь от волнения. Голос его был сначала глухим, затем набрал силу, перестал спотыкаться. Хоть и рассказывал парнишка долго, но Шубин слушал внимательно, ему было важно понять, насколько надежен молодой боец и можно ли его брать с собой за

линию фронта для проведения опасной операции.

— Я отсюда попал в армию, добровольцем из партизанского отряда. Я здесь родился, вырос, всю жизнь прожил, сначала в Обояни жили, потом отец ушел в совхоз в Ракитном механизатором. Нам там дом выделили, мама телятницей устроилась работать. Я с сестрами в школу ходил в Ивне из нашего Ракитного. Через поле, по мосту через речку Псел — а там и наша школа родная. Когда немцы пришли в поселок, то нас, детей, туда и согнали, в нашу школу. Сначала на берегу всех взрослых, бабушку, маму, сестру старшую расстреляли. Мы смотрели, как расстреливают, как они умирают, падают, молча смотрели. Пришлось молчать. Кто начинал кричать, того тоже фрицы ставили спиной к яме и толкали вниз даже без выстрела, а сверху еще трупы дальше кидали. Я молчал, терпел, хоть так хотел кинуться и вцепиться в горло их старшему офицеру, но молчал, со мной еще три сестренки были младшие. Не мог я их бросить, нельзя было. Отец и дед в первое лето на фронте погибли, в одном танке сгорели. Их, как трактористов, на танк посадили, в один экипаж. Потом маму, бабушку, сестру на наших глазах фа-

шисты расстреляли. Нельзя было бросать детей из школы, никак нельзя. Ведь старшим у них только я остался, больше никого не было. Я их за руки держал, отворачивал, чтобы не смотрели. А сам смотрел, во все глаза смотрел, но не на мертвых, а на немцев. Я лицо того офицера, что расстрелом командовал, запоминал, чтобы найти и отомстить за всю нашу семью. Потом всех детей из школы выгнали и посадили в грузовики. Вернее, мы стояли на ногах, до того там тесно было. Нас было так много, ужасно много, мы кричали, плакали, звали на помощь, кто еще мог. Но чаще всего молчали, сил не было уже ни на что. Я с трудом помню, что было дальше. Кажется, я потерял сознание от духоты или, может, мне плохо стало, нас ведь не кормили несколько суток и воды не давали. Я не помню уже этого, очнулся в общей могиле с трупами, немцы приняли меня за мертвого или решили, что я уже не жилец, поэтому скинули в яму на выезде из города с другими детьми, которые умерли в грузовике. Оттуда я выполз ночью и добрался до леса, несколько дней прятался на болоте, где меня нашли партизаны. Вот так оказался в лесном отряде. Мы всю войну составы взрывали, диверсии устраивали, убивали проклятых фри-

цев за то, что они меня семьи, дома, они всего лишили. Все время я того офицера высматривал, я всегда его буду искать, чтобы отомстить за мою семью. Для этого, как только граница фронта сдвинулась, перешел нейтральную полосу и добровольцем в пехоту пошел. Когда наши рассказали, что девчонка через лес пришла с оккупированной территории, я сам к командиру пришел и предложил с разведкой идти в расположение немецких войск. Я знаю, они так просто не уйдут, они готовят удар, товарищ Шубин! В партизанах навидался фрицев — наглые они, думают, что хозяева на нашей земле, ничего не боятся. Надо им в ответ врезать так, чтобы бежали прочь. Я помогу, я вас проведу куда надо, только скажите куда, к какому пункту. Все дороги знаю, лес знаю, стрелять умею, взрывать умею. Я все умею, товарищ капитан! Умоляю, возьмите меня на задание! Обещаю — не подведу! Я должен родную землю, поселок свой помочь освободить как можно быстрее. Ведь там мои друзья, соседи, сестренки могут быть живы и тоже в услужении жить. Я готов жизнь положить, ничего не боюсь, все сделаю что прикажете! Мне этот офицер каждую ночь снится, как он рукой машет, а солдаты стреляют и стреляют. Яма в гору превратилась

от трупов, а они все стреляют под его приказы. Понимаете? Такое не забыть, не простить, я должен с вами пойти, все сделать, лишь бы фашистов проклятых разгромить!

Коля замолчал, глядя с немой мольбой на разведчика. Теперь Глеб внимательно рассматривал парнишку, только видел перед собой уже не юного солдата. Слишком глубокая складка легла у рта, слишком много боли застыло в голубых глазах. Коля Воробьев пережил столько горя, что мгновенно стал взрослым, с искореженной, больной душой, спрятанной под детской внешностью. Капитан смотрел на парня и понимал — он не подведет, костями ляжет, а задание выполнит. Вместе они смогут собрать разведданные для дальнейшего планирования тактики армейских подразделений.

Шубин заглянул в глаза парнишке и спросил:

— Сколько тебе лет?

Тот покосился в сторону и бросил:

— Почти восемнадцать, через два месяца исполнится.

По взгляду вбок и напрягшимся в кулаки ладоням Глеб понял, что парень скрывает свой возраст, боится, что из-за малолетства не ви-